

Т. Ф. Лебедева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Изучая историю нашего города – блистательного Санкт-Петербурга – столицы Российского государства, нельзя не обратить внимание на переломный момент его жизни – канун Первой мировой войны, когда уже явственно ощущалась обреченность и близость конца изжившего себя строя, в котором существовала бездна неравенства, бедности и многие другие пороки.

Каким же был Петербург в начале 1914 года? Какой была жизнь большей части его жителей?

Площадь Санкт-Петербурга в 1914 году составляла 29 тысяч десятин земли (ок. 31 682 га), тогда как площадь Москвы была 16 тысяч десятин (17 480 га).

По численности населения Санкт-Петербург был пятым городом в мире после Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Берлина. Население Петербурга на первое января 1914 года составило 2 073 800 человек, а к началу Первой мировой войны количество населения немного увеличилось: на 1 июля 1914 года оно уже составило 2 103 200 человек.

Петербург в это время был на одном из первых мест в мире по рождаемости. Общее количество родившихся составляло в том году от 55 до 65 тысяч человек. В то же время в городе была большая смертность: за год умирало до 45 тысяч человек. Особенно много умирало детей в возрасте до пяти лет. Смертность этого возраста составляла 45 % от всего количества умерших. Прирост населения Петербурга шел в основном за счет прибывавших в него мигрантов.

Перед войной Санкт-Петербург – крупный экономический и политический центр с большим количеством заводов и фабрик, что стимулировало приток людей, искавших работу. На заработки в Петербург стремились еще и потому, что здесь заработная плата была намного выше, чем в других областях России.

Петербург 1914 года – город контрастов. В центре города – сосредоточие роскошных магазинов и ресторанов, банков, театров, богатых доходных домов и особняков. А на окраинах города – на Охте и Выборгской стороне, за Нарвской и Невской заставами, на Васильевском острове – среди промышленных предприятий, в загрязненной атмосфере, с каждым годом разрастаются рабочие кварталы, лишенные элементарных человеческих условий – петербургские трущобы.

Ширится строительство огромных домов в 4 – 5 этажей, с большим количеством квартир, получивших название «наемные казармы». Плата за квартиру в таких домах, несмотря на отсутствие элементарных человеческих условий, была очень высокой, особенно для малообеспеченных петербуржцев.

Но была еще категория жителей, которая, не имея возможности рассчитывать даже на угол в «наемных казармах», ютилась в подвалах или совсем не имела пристанища. Для таких петербуржцев, не имевших, «где голову приклонить», в городе существовали ночлежные дома. В таких домах за 5 копеек предоставлялось место для ночлега на нарах с подстилкой и сенной подушкой. За эти же деньги клиент получал кипяток.

По данным Еженедельника Статистического отделения Санкт-Петербургской Городской Управы с 23 декабря 1913 года по 4 января 1914 года санитарным надзором было произведено 88 осмотров ночлежных домов, осмотрено при этом 694 ночлежника, из которых 9 человек отправлены в больницы; также проведена дезинфекция в 41 доме, обеззаражен 21 комплект платья.

На 12 января 1914 года штатных кроватей в больницах было 6562 мужских и 4866 женских, но при этом поступивших больных было 15574 человек, из них 8607 мужчин и 6967 женщин, что намного превысило норму.

Смертность в Петербурге в это время в 2 раза выше, чем в Лондоне, в 1,5 раза больше, чем в Берлине, Вене, Нью-Йорке, Риме. Умерло за эти недели в городе 720 человек. А за неделю с 27 июля по 2 августа, когда город уже был на осадном положении, так как началась Первая мировая война, санитарным надзором было проверено 58 ночлежных домов, осмотрен 201 ночлежник, из которых двое были отправлены в больницу, а в 26 домах была произведена дезинфекция.

За неделю с 3 по 9 августа в городе умерло 738 человек. В это время в городе свирепствуют сибирская язва, тиф (брюшной, свиной, возвратный), оспа (натуральная и ветряная), корь, скарлатина, дифтерия, желудочно-кишечные заболевания, в том числе – дизентерия.

Большое количество смертных случаев наблюдалось от бугорчатки легких, костей и прочих органов. Особенно большая смертность была в домах с большой скученностью людей и полным отсутствием нормальных условий жизни, что наблюдалось в Нарвской, Выборгской, Василеостровской частях города. Здесь на 1 кв. м жилой площади приходилось до семи человек.

Отсутствие нормальных условий жизни было присуще кварталам петербургских трущоб, которых в 1914 году было очень много. Из отчета санитарной комиссии, обследовавшей одну из таких трущоб – «Васькину деревню», расположенную в квартале между 17-й и 18-й линиями В. О., опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «В данной ночлежке все спят вповалку, тайн – никаких, откровенность полная. Ночью нельзя пройти даже по коридору, так как и там ночлежники. Утилизован каждый клочок. Пожар – и никто не выберется».

Но, несмотря на такие ужасные условия, обитатели ночлежки пытались еще и оправдать своего хозяина, называя его «благодетелем». А этот «благодетель» не стеснялся брать с бедноты такую плату, какую, при переводе на квадратные метры, не брали даже домовладельцы Невского проспекта. Всего в трущобе зарегистрировано более 2000 жителей. Число это не было постоянным и иногда достигало 4000. Эта трущоба была и проводником заразы в Петербурге, распространителем инфекционных заболеваний.

Проживающие в заразных кварталах кондукторы городских трамваев, вагоновожатые, почтальоны разносили заразу по городу. В «Васькиной деревне» оказалась и молочная ферма, а по соседству с ней – квартира с детьми, больными дифтеритом. В этой же «Васькиной деревне» гнездилась и нравственная зараза: разврат, пьянство, торговля детьми, страшная распущенность нравов, азартные игры. И все – напоказ.

Но, несмотря на то, что город не мог предоставить горожанам должных жилищных условий, он постоянно пополнялся пришлым населением. Люди приезжали в поисках работы. Но высокие (по сравнению со среднероссийскими) заработки съедались высокими ценами на продукты первой необходимости. Жизнь была чрезмерно дорога.

Вся торговля находилась в частных руках, исключением была только знаменитая монополия, торговля водкой: ее производство и реализация строго отслеживались государством.

Из воспоминаний современника: «Самые богатые магазины, в особенности торгующие заграничными товарами и предметами роскоши, по части одежды, пищи, домашнего убранства и проч., находясь вне “дворов” и рынков, сосредоточены в двух-трех более оживленных улицах: Невский проспект, Большая Морская, в примыкающих к ним других улицах и переулках: Малая Морская, Гороховая, Кирпичный переулок, Михайловская улица. Здесь в этих улицах соединено все блестящее, драгоценное и роскошное – все, чем только может пощеголять петербургская торговля и промышленность».

Крупными центрами торговли промышленными товарами были Большой Гостиный двор и Пассаж. Большое внимание в торговле уделялось рекламе и вежливому обращению с покупателями. Многих своих покупателей в магазине знали в лицо. Дамы, пересмотрев все коробки в поисках нужной им вещи и ничего не купив, никогда не видели на лице приказчика недовольства или возмущения, наоборот, с ними вежливо раскланивались, приглашая заходить еще. Слова дам: «Я покупаю кружевное белье только у Паратина» или «эспри – только у Шутова и Кольцова», – были заслугой магазина и своего рода рекламой для него. Некоторые магазины этими средствами добивались звания «поставщиков Двора Его Величества», что давало большие привилегии.

Некоторые торговые фирмы имели по несколько магазинов. Так, у кондитерской фабрики «Конради» было 7 магазинов, а у фабрики дешевых леденцовых конфет «Ландрин» – 40. Известная по всей России фабрика «Скорород» продавала свою обувь в семи магазинах города.

К 1914 году в городе появились уже и специализированные магазины, даже такие редкие, как «одежда для кормилиц», «одежда для кучеров», лакеев, духовных лиц.

При удалении от центра магазины мельчали. На смену фирменным магазинам появлялись мелочные лавки. Здесь можно было купить самые разнообразные товары: хлеб, крупу, селедку, овощи, мыло, швабру, дешевую посуду, масло лампадное и сливочное. Постоянные покупатели имели в таких лавках кредит, что гарантировало появление клиента в следующий раз именно здесь.

На удовлетворение главных человеческих потребностей у средних и малообеспеченных классов уходило $\frac{3}{4}$ всего бюджета. При этом потребление отдельных продуктов в нашем городе было намного ниже, чем на Западе: так, сахара на душу населения – в 2,5 раза меньше, чем в Германии, и в 2 раза меньше, чем во Франции. Чай, кофе и какао в Германии потребляли 8,5 фунтов на человека, во Франции – 7, а в России – менее 1,5 фунтов на одного человека. В то же время, чай в Европе был в 2 раза дешевле, чем в России. Белый хлеб высшего сорта в Лондоне стоил около 5 копеек за фунт (в переводе на рубли), а в Петербурге он продавался по 6 – 7 копеек. И это при том, что Россия считалась житницей Европы, а Англия только $\frac{1}{4}$ нужного ей количества хлебных продуктов производила у себя, остальные $\frac{3}{4}$ ввозились из-за границы.

Плохо удовлетворялась и насущная потребность в одежде. Потребление хлопка в России было менее шести фунтов в год на человека, в Германии же – 16,5 фунтов, то есть почти в три раза больше.

В Петербургской Думе хлебный и мясной вопросы обсуждались более сорока лет, но, к сожалению, к 1914 году никаких практических результатов это не имело.

Из тех же «Санкт-Петербургских ведомостей» узнаем, что на рынках и в магазинах города «сколько-нибудь приличные мороженые гуси стоят от 2 рублей 75 копеек до 3 рублей за штуку, мороженые индейки – от 3 до 5 рублей»; утку можно было запечь не дешевле, чем за рубль тридцать, но и не дороже рубля шестидесяти; куры, как наиболее дешевый мясной продукт, уходили по рублю, рублю двадцать; неведомые уже нам тетерки упорно держались по 90 копеек; рябчики, продававшиеся исключительно попарно из-за отсутствия в любом из них съедобных частей, прекрасно могли согласиться сбить свою цену с рубля семидесяти до рубля двадцати, как бы предлагая покупателю приобрести на сэкономленный полтинник половину вполне аппетитной курицы.

В одном из номеров «Ведомостей» в статье осведомленного автора И. И. Радецкого, книга которого «Хозяюшка» вышла в 1868 году, сравниваются цены на продукты с ценами, существовавшими в Петербурге за пятьдесят лет до начала войны: мясо вздорожало к 1914 году в 2 раза, на все же остальные продукты цены поднялись в 4 – 5 раз.

Но какая бы ни была дороговизна жизни, она никак не сказывалась на потреблении алкогольных напитков, приносивших баснословный доход казне.

В 1914 году в Петербурге проходил Второй Всероссийский день трезвости, который тогда совпал с Пасхой. И если обычно народные массы Петербурга встречали Христовы дни в пьяном угаре, то в апреле 1914 года Пасха в городе проходила необычно тихо. Поэтому «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Дни Пасхи и дни пасхальной недели протекали в 1914 году несравненно светлее и пристойнее, чем в былые годы, благодаря *принудительной* трезвости, во имя которой были закрыты в пасхальные Понедельник и Вторник места, торгующие крепкими напитками, за исключением ресторанов I разряда».

Сетую на беспробудное пьянство городского населения, «Санкт-Петербургские ведомости» писали в апреле 1914 года, что, «проводя работу по борьбе с русским пьянством, нужно прежде всего сокращать до минимума торговлю спиртными напитками, улучшать условия женщин в рабочих кварталах, оздоравливать их, провести широкие улицы с бульварами, разбивать в них парки и скверы, уничтожать трущобные квартиры, где нет ни воздуха, ни света, и откуда люди спасаются при первой же минуте свободы в кабаке. Город должен найти возможность строить театры, клубы и тогда можно будет увидеть, как быстро возродятся нравственно и телесно наши, теряющие человеческий образ, народные массы».

18 августа 1914 года «Государь Император высочайше повелеть соизволил именовать впредь город Санкт-Петербург – Петроградом».

Кроме самого Указа, найти в печати какие-либо обсуждения или особые мнения по поводу переименования города не удалось. Возможно, обсуждение этого вопроса превысило бы то напряжение, которое уже возникло в жизни города в связи с началом мировой войны. Горожане провожали своих сыновей, порой единственных, провожали близких людей, «чтобы сокрушить немецкую гидру, мешающую нашему культурному росту», как писали «Санкт-Петербургские ведомости», стремившиеся поднять боевой дух народа в первые дни войны, перевернувшей многие судьбы горожан, судьбу самого города.

Но это уже другая страница из жизни и истории Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга.